Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

DOI:10.17951/we.2015.1.1.81. | Wschód Europy • Восток Европы • East of Europe 1(1) / 2015

Ян Голцер
Университет им. Масарика в г. Брно, Чешская Республика

Россия в категориях «друг – враг». Чешская идеологическая дискуссия о т. н. «украинском кризисе»

Нынешнее драматичное политическое развитие событий на территории Восточной Европы можно считать доказательством правдивости тезиса о том, что время от времени нас «настигает история». Такие слова как *опасность, риск, угроза, опасение* или даже *страх* неожиданно становятся более значимыми и весомыми. В то же время, как следует заметить, в определенной степени необоснованной начинает казаться дискуссия о «полезности» социальных и гуманитарных наук, включая политические науки (политологию). Именно социально-научный анализ и позволяет широкое *понимание* нынешних событий, при этом как на уровне исторических, культурных, религиозных и макроструктурных условий, так и на уровне их актуальных политических, защитных, экономических и международных параметров.

Одним из условий социально-научного анализа при этом является идентификация ключевых участников, вовлеченных в анализируемую ситуацию. Данный текст основывается на тезисе о том, что движущей силой развития в геополитическом и геокультурном пространстве Восточной Европы (с явными переходами и на другие арены, с точки зрения данного текста, в первую очередь, центрально-европейскую) является участник государственного масштаба – Россия. Россия, однако, не представляет собой главную тему статьи, а служит референтными рамками по отношению к ее основной сути: перспективе чешских национальных интересов. Они концептуализированы как синтез полемик и конфликтов о формулировании интересов, потребностей и оценочных ориентаций современных чешских политических актеров и внешней политики Чешской Республики; особое внимание я обращаю на реакцию на актуальный т. н. «украинский кризис» и связанные с ним изменения внешнеполитической линии современного российского государства и его политического режима, персонализированного в лице президента Владимира Путина.

Очевидно, что Россия представляет собой и всегда представляла классический, основополагающий сюжет для чешской политики и политического мыш-

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

ления, тематизируемый уже с середины XIX века, начиная с реалистической статьи Карла Гавличека Боровского[1]. В скором времени она стала темой для дихотомических, благожелательных и неодобрительных, интеллектуальных и общественных размышлений, динамизируемых как событиями в России (революционный цикл, советский режим, Вторая мировая война, перестройка), так в Чехии (возникновение самостоятельного государства, Мюнхен, освобождение, приход коммунистов к власти, 1968 год, свержение коммунизма). Просто для чешской политики Россия всегда представляла собой вызов, естественную противоположность теме Германии. Так, можно упомянуть феномены чешского русофильства и панславизма и их классических критиков, блестящую интерпретацию русской революции Масариком, анализ раннего большевизма Славика, ориентацию чешского коммунизма после 1929 г. на вдохновляющий восточный пример (и дальнейшее принятие советского надзора), или же чешское средство, как совладать с травмой августа 1968 г.[2]. Представляется возможным сформулировать даже такой тезис, что после изгнания немцев из Чехии после Второй мировой войны Россия заняла позицию основных внешних референтных рамок, в которых формируется т. н. «чешский вопрос», дискуссия о смысле «чешскости»[3].

Все эти факты представляют собой более широкий исторический фон для основной цели данной статьи: комментарий к дискуссиям на чешской внутриполитической сцене, которые возникли как реакция на нынешнее поведение авторитарного режима Владимира Путина в т. н. «украинском вопросе», хронологически ограниченном с начала решения т. н. «крымского вопроса» весной 2014-го. Нормативными понятиями, с помощью которых текст совершает попытку вникнуть в идеологическую, идейную и касающуюся интересов основу точек зрения отдельных чешских политических деятелей, реагирующую на начальные точки, инструменты, цели и, прежде всего, легитимность современной русской политики в украинском вопросе, являются категории *друг – враг*[4]. По мнению автора, данные категории в соответствующей мере отражают дуализм основных взглядов, с которым приемлемо работать при восприятии России[5].

---

1 K. Havlíček Borovský, *Slovan a Čech*, [In:] *Karla Havlíčka Borovského Politické spisy*. *Díl 1. Pražské noviny*, Praha: J. Laichter 1900, pp. 28–87.

2 R. Vlček, *Ruský panslavismus – realita a fikce*, Praha: HÚ AV ČR 2002; V. Černý, *Vývoj a zločiny panslavismu,* Praha: Knihovna Václava Havla 2011; T. G. Masaryk, *Rusko a Evropa, I.-III.*, Praha: ÚTGM 1995–1996; J. Slavík, *Co třeba vědět o SSSR: stručný nástin bolševického zřízení a jeho vývoje*, Praha 1936.

3 M. Havelka, *Spor o smysl českých dějin 1., 1895–1938*, Praha: Torst 1995; M. Havelka, *Spor o smysl českých dějin 2., 1938–1989*, Praha: Torst 2006.

4 C. Schmitt, *Pojem politična*, Brno – Praha: CDK – Oikoymenh 2007; Л. Гудков, *Негативная идентичность: статьи 1997–2002 годов*, Москва 2004; Л. Гудков, *Образ врага*, Москва 2005.

5 E. Shiraev, *Russian Government and Politics*, Palgrave: Macmillan 2010.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

Чешская дискуссия – основные исторические параметры

Первый, *реалистический* взгляд исходит из предположения, что основой русской политической, культурной и религиозной самоидентификации стал (и является им до сих пор) негативно понятый концепт врагов России, при этом как внешних, иностранных, так и внутренних, проникающих в российское общество и образующих категории *свой – чужой*[6]. Этот взгляд отражает ряд исторических (опыт татарского ига; перипетии постепенного территориального построения российского государства и его абсолютически воспринятой патримониальной модели правления, т. н. *самодержавия*; отнесение себя к византийской традиции путем представления Московского государства третьим Римом / после которого «четвертому не бывать»/), объединяющее светскую и духовную власти; революционная большевицкая доктрина) и современных (обновление персонализированной авторитарной модели правления в начале XXI века) констант российской внутренней и внешней политики. Ключевой из этих констант должно быть сравнительное размышление российских элит, направленное как вовнутрь (необходимость решения конфликтов с внутренними противниками и вредителями), так и наружу (восприятие системы международных отношений как вражеской территории, угрожающей русской идентичности). Исторические и современные конфликты (начиная с русско-японской войны, продолжая первым и вторым мировым конфликтом, вплоть до войны специфичной: гражданской, холодной, а также современной «полугосударственной» или «гибридной» в Украине) должны были сформировать в российском обществе стойкое восприятие мира ни в коем случае не как место для открытого диалога и нахождения консенсуса, а как место соперничества и борьбы. Таким образом, именно категория врага должна представлять собой основу для понимания логики современной внутренней и внешней политики России.

Тем не менее, чешское восприятие исторической и современной России никогда не было и в данный момент не является односторонним; конфликтно понятая категория врага не исчерпывает его возможности. Второй существующий взгляд на Россию – назовем его *консенсуальным* – акцентирует тот факт, что исторические попытки России расширять свое влияние в западном направлении в то же время указывали на заинтересованность в коммуникации с Европой (с имплицитным и в принципе не замечаемым приверженцами этого взгляда условием, что будут признаны значимость и величие российского государства), указывали на необходимость не только формулировать отличия российского развития от западноевропейского и подчеркивать их как преимущества, но также получать от Европы примеры и импульсы, подражать ей (см., напр., перманентную дискуссию о возможности изменения российской политической системы с XVII в. до начала XX в.). Более того, Россия в действительности видела

[6] O. Nadskakula, *Kategorie „swój" i „obcy" w rosyjskim myśleniu politycznym*, Kraków: Księgarnia akademicka 2013.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

себя в роли защитного вала Европы. Именно идея о России как крайней (хоть и ортодоксальной) насыпи и плотины на пути ислама (что, разумеется, является насущной темой и в нынешнее время) стимулировала представление о ее обязанностях спасителя и способствовала возникновению ощущения, что Европа в чем-то обязана России, или же что она ее не оценивает в полной мере[7].

В данном контексте логичным является то, что важные элементы не только чешской, но и вообще центральноевропейской и западноевропейской элиты или общества, начали проецировать на образ России свои представления и желания или даже иллюзии, имеющие свое начало в недовольстве несовершенством собственных политических реалий. Вторым напрашивающимся вариантом в таком случае был и остается поиск опоры в России, партнера в случае по-разному обозначаемой и чувствуемой опасности; или же видение в ней как бы более молодого, и таким образом в некоторых вопросах более перспективного, жизнеспособного участника событий. То есть и категория друга так является релевантной в восприятии России.

У обоих этих взглядов, сформулированных, скорее, в форме тезисов, реалистического и консенсуального, существуют в современной чешской политике свои традиции и свои приверженцы. В период самого зарождения чешской политики, т. е. во второй половине XIX в., появилось, с одной стороны, недоверие у либерально настроенной чешской политической элиты по отношению к автократической царской модели, а с другой – появился ряд сторонников славянского или даже панславистского направления чешского национального возрождения[8]; конечно, и та часть чешских политических деятелей, которые вначале были готовы к нахождению в лице России потенциальной опоры для установления равновесия в условиях германского влияния, были в дальнейшем по большей части разочарованы, когда их тезисы, основанные и воспринимаемые ими на партнерских условиях, столкнулись как с неотступной точкой зрения круга русских славянофилов, заключающейся в привилегированной позиции российской стороны в каком-либо славянском «альянсе», так и с официальным отсутствием интереса окружения императора[9]. Согласно некоторым авторам, речь могла идти о фундаментальных разногласиях эмансипационной политики чешской элиты того времени (эмансипационной в значении ищущей путь из-под зависимости от Австрии, или вернее с 1867 г. от австрийско-венгерской монархии): таким образом, (мнимая?) дилемма между славянством, подавляющим свободу, но сохраняющим нацию, и европеизмом, предоставляющим свободу политическую в ущерб национальной идентификации[10]. Это полярное разделение чешского общества при этом должно было проявляться как бой между рациональным (ори-

[7] ***Ср.*** R. Dannreuther, L. March, *Russia and Islam*, London: Routledge 2010.
[8] J. Kořalka, *Češi v habsburské říši a v Evropě 1815–1914*, Praha: Argo 1996.
[9] R. Vlček, *Ruský panslavismus – realita a fikce*, Praha: HÚ AV ČR 2002, pp. 200–217.
[10] V. Doubek, *Česká politika a Rusko (1848–1914)*, Praha: Academia 2004.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

ентация на Запад) и иррациональным (ориентация на Восток). В данном контексте логично звучит, что, к примеру, известное «паломничество чехов в Москву» в 1867 г. могло быть обозначено как «первый кризис чешского европеизма»[11].

Чешские споры о том, что является главным ресурсом и источником вдохновения для отечественного социально-политического менталитета (западная цивилизация, западные течения христианской традиции и в общем феномен европеизма как осознание принадлежности к общему европейскому культурному целому, или наоборот – восточные кирилло-мефодиевские традиции и славянская солидарность) естественным образом отображались в рождающемся чешском партийно-политическом спектре и его идеологическо-доктринальной основе. Либеральные круги были прозападными. Конечно, внутри консервативного течения стоит выделить окружение Карла Крамарже, который сознательно в течение долгого времени создавал программу близких отношений с царской Россией[12]. Что касается чешских левых, то перед началом Первой мировой войны их можно охарактеризовать конфликтом между национальным (националистическим) и интернациональным течениями, представленными, с одной стороны, т. н. национал-социалистами, а с другой – социальными демократами; вопрос Восток vs. Запад в тот период не воспринимался чешскими левыми как ключевой *cleavage*. Кроме того, эту в принципе ясную модель проблематизировало значительное католическое политическое течение, которое вообще не воспринимало вопрос Восток vs. Запад как судьбоносный и исключительно черно-белый, так как еще существовал третий вариант, срединный, *ergo* австрийский!

После Первой мировой войны феномен России обсуждался, естественным образом, в контексте прихода к власти в этой стране большевистского режима и его несовместимостью со взглядами большинства чешской[13] политической элиты как на форму политической модели, так и на внешнеполитической ориентации самостоятельной Первой Чехословацкой Республики. Среди чешских политиков, однако, уже формулировался будущий провосточный фактор: первоначально радикальное крыло социал-демократической партии, с 1921 г. существующее уже как самостоятельная Коммунистическая партия Чехословакии. Генезис чешского коммунизма в плане приятия восточного примера при этом был чисто геополитическим (т. е. они не прибегли к культурно-цивилизационной аргументации) и изначально обусловлен неудачей марксистско-ленинских политических проектов прежде всего в Центральной Европе (см. т. н. «феномен республик советов») и в дальнейшем – т. н. успехи в построении коммунизма

[11] I. Pfaff, *Česká přináležitost k Západu v letech 1815–1878*, Brno: Doplněk 1996, pp.153.

[12] Ср. M. Winklerová, *Karel Kramář (1860–1937)*, Praha: Argo 2011.

[13] Было бы логично с 1918 г. различать прилагательные «чешский» и «чехословацкий», как и «словацкий». Тем более и потому, что вопрос тяготения к Западу или Востоку представляла для чехословацких споров важную тему. Далее я буду использовать исключительно прилагательное «чешский» в связи с тем, что текст сосредотачивается на чешском восприятие.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

в Советской России[14]. Иначе говоря, историческая надежда радикальных европейских левых отклонилась с Запада в направлении на Восток[15].

При этом по ряду внутренне- и внешнеполитических причин в общем прозападная самоидентификация Чехословакии постепенно в течение XX в. раздроблялась; символом «предательства» Запада стал Мюнхенский договор (1938), доказательством славянской солидарности, торжествующей над германским элементом – освобождение Чехословакии Красной армией (1945), проявлением политического принятия Советской России – тезис президента Эдварда Бенеша о Чехословакии как мосте между Востоком и Западом[16] и в конце концов доказательством отступления от западной традиции – приход коммунистического режима (1948). Дальнейший опыт сорокалетней политической (экономической, культурной и т. д.) практики коммунизма в очередной раз проблематизировал это провосточное родства. В этом плане символичным стало нападение т. н. «дружественных войск» в 1968 г.

И так после распада СССР возвращение на Запад (и уход с Востока) стало ключевой темой внутренней чешской политики, на которой акцентируют внимание не только демократические правые, но и демократические левые; таким образом, исключение представлял собой только ослабленный лагерь коммунистов. Переход Чехии к демократии был завершен, согласно ряду политологических интерпретаций, только в момент вступления Чешской Республики в Организацию Североатлантического договора (1999), или же в Европейский Союз (2004); так должна была быть решена[17] и основная цивилизационная дилемма чешской политики.

Выше я попытался обозначить изначальные исторические параметры, которые оказывают влияние на современное восприятие России в чешской среде. Если попробовать сформулировать основную черту чешских исторических споров о России, то ею является неясность с точки зрения идеологически-доктринального спектра. Иначе говоря, ни консенсуальный подход к России, ни подход реалистический, проявляющийся в принципе дистанцирования от России, не могут быть простым способом интерпретированы, если мы основываемся на лево-правой партийно-политической шкале чешской политики. Коротко говоря, симпатия к России не является *априори* левой, а симпатия к Западу – *априори*

[14] P. Fiala, J. Holzer, M. Mareš, P. Pšeja, *Komunismus v České republice*, Brno: MPÚ MU 1999, pp.18–27.

[15] По-другому говоря, от марксизма (направленного на успех коммунистических революций в развитых, индустриализованных западных странах, в которых антагонистический конфликт должен быть наиболее драматичным) к ленинизму (производящему доктрину о России как о самом слабом звене цепи).

[16] E. Beneš, *Demokracie dnes a zítra*, Praha: ČIN 1946, pp. 247–273.

[17] Хотелось бы написать «на веки веков», но у этого словосочетания в чешском общественном дискурсе дискредитированная коннотация, связанная с использованием его в эре коммунизма в связи с мнимой несокрушимой дружбой чехов и словаков с братскими народами СССР.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

правой. Вопрос звучит, как эта характерная черта выглядит в призме нынешних событий.

И вторая черта, которую следует сформулировать, звучит следующим образом: исторически по меньшей мере в период до возникновения самостоятельного чехословацкого государства (или же до практически параллельного к возникновению большевистского режима в России) для приверженности Западу или наоборот Востоку были использованы прежде всего аргументы политического и культурного (или же конфессионального) характера. Причем Восток при сравнении с Западом воспринимался как полноценная альтернатива с точки зрения политики, религии и культуры, как возможный источник вдохновения для чешской идентификации. Отсутствовала, напротив, экономическая аргументация; эта тема формулировалась только в связи с мировым экономическим кризисом на рубеже 20х–30х гг. XX в. Он интерпретировался как кризис капитализма, по отношению к которому советская этатистская экономическая модель должна была обладать иммунитетом. Провосточная аргументация, таким образом, является исторически непостоянной и в значительной степени зависимой от состояния Запада.

Актуальная чешская дискуссия о России

С конца 2013 г. интенсивность дискуссий о внешнеполитическом направлении современной Чешской Республики естественным и драматическим образом изменилась. События, разворачивающиеся в Украине, быстро привели к интересу к международной политике со стороны не только элит, но и общества (что для Чехии необычно). В связи с этим формулировались тревожные вопросы: какова, в сущности, современная Россия, какие у нее амбиции? Какую картину предоставляют понятия *друг – враг* с учетом нынешней стратегии элит русского авторитарного режима? Не происходит ли обновление ее экспансионистских целей родом из эры тоталитаризма? И часть представителей чешской политики и общества напрямую спрашивала и спрашивает: «*Должны ли мы, чехи, бояться России?*».

Однако другая часть участников чешских дискуссий формулирует соответствующие вопросы иным образом: является ли Россия действительно той главной проблемой, с которой ЧР приходится сталкиваться? Следует ли полагаться на гарантии, которые нам предоставляет членство в ЕС и НАТО (т. е. западные демократии, или же, символически говоря, Запад)? Дееспособен ли Запад вообще? Не является ли, скорее, наоборот Запад источником нестабильности в международной системе? И не является ли снова Россия полноценной альтернативой чешской прозападной ориентации, укрепившейся благодаря выбору чешских политических элит после 1989 года?

При этом с точки зрения восприятия России приход режима Владимира Путина на рубеже XX-XXI вв. изначально не казался событием, заслуживающим большого внимания, так как предыдущий опыт с режимом Ельцина не покушал-

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

ся на самоидентификацию чехов с Западом, не создавал никаких старо-новых восточных соблазнов. Однако, режим Путина постепенно формулировал программу обновления внутренней стабильности, соединенную с ревитализацией своих великодержавных амбиций[18]. Его признаками стали ассертивность, включающая использование экономического и энергетического давления во внешней политике[19], внутриполитическая авторитаризация и защита от «вируса» цветных революций[20].

В то же время значительно изменился контекст внешнеполитических дискуссий на Западе. В общем эта перемена была характеризована мировым экономическим кризисом (с 2009 г.), в дальнейшем – растущей интенсивностью различного рода напряженностей внутри ЕС или изменением внешнеполитической линии США в период президентства Барака Обамы. На Западе наступило радикальное (аргументационное и практическо-инструментальное) присоединение к всемирной поддержке демократизации (*democracy promotion paradigm*), сознательно не принимающее явления национального государства, далее акцентирующее экстенсивно понимаемую тему прав человека и материализующееся в доктринах т. н. цветных революций, или же арабской весны. Все это логичным образом вызвало интенсивные дискуссии о политической (и культурной) личности Запада.

Чешские политики не остались невосприимчивы по отношению к этим изменениям. Даже, скорее, наоборот: спустя 25 лет после падения коммунизма мы наблюдаем в ЧР существенный внутриполитический спор о виде современной чешской политики, о кризисе отечественной политической партийности или об олигархизации общественного пространства, в общем, о легитимности своего направления в т. н. посткоммунистической эре. Важной темой в этой изначально внутриполитической дискуссии как раз стал вопрос внешнеполитических приоритетов Чешской Республики, для разнообразных формулировок которых украинско-российский кризис стал логичной возможностью. Цель следующей части статьи – описание модельных аргументаций, которые в данных дискуссиях встречаются, и комментарий к ним.

[18] J. Mankoff, *Russian Foreign Policy. The Return of Great Power Politics*, Lanham – Boulder – New York – Toronto – Plymouth: Rowman & Littlefield Publ 2011; H. G. Heinrich, *Post-Soviet Conflicts Revisited*, Peter Lang 2013.

[19] P. Högselius, *Red Gas. Russia and the Origins of European Energy Dependence*, Palgrave: Macmillan 2013.

[20] D. Ó Beacháin, A. Polese, *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics. Successes and Failures*, London: Routledge 2010.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

Чешское левое крыло

Что касается данной темы, чешское левое крыло раздвоено. В левой части чешского партийного спектра[21] и среди интеллектуалов, симпатизирующих левым, можно идентифицировать как прорусские точки зрения, так и антирусские. При этом для более точной квантификации потенциалов данных позиций не имеются социологические данные. Данная статья опирается на тезис, что значительная часть чешского левого крыла (традиционно) не разделяет присущую большинству на Западе точку зрения на события в Украине, не разделяет присущую большинству на Западе дистанцию от поведения России, а в некоторых отдельных случаях даже ставит под сомнение опубликованные данные о ситуации в Украине, считая их пропагандой или дезинтерпретацией[22], и, естественно, не поддерживает западную реакцию, прежде всего, санкции. При такой интерпретации действия России в Украине, в принципе, легитимны, так как они являются реакцией на мажоритарные предпочтения населения (преимущественно, русскоязычного) на Востоке Украины и являются проявлением защиты интересов России в Украине, что уравновешивает западное вмешательство в регионы Восточной Европы.

Аргументация, сформулированная таким образом (обозначим ее временно как *консенсуальную*), характерна в первую очередь для чешских коммунистов, однако также и той части социал-демократов, которые находятся в окружении нынешнего президента ЧР Милоша Земана[23]. Именно он стал символом прорусского лагеря как благодаря своей риторике, так и некоторым конкретным политическим шагам.

Вторая часть чешского левого крыла, представленная, с одной стороны, частично членами ЧСДП, а с другой – большинством интеллектуальных левых[24], воспринимает вышеописанную позицию как некритическую. Нельзя просто

[21] Он представлен двумя существенными партийными субъектами: «Чешской социал-демократической партией» (ЧСДП – ČSSD), победителем последних парламентских выборов, прошедших в октябре 2013 г. (было набрано 20,45% голосов) и в настоящее время членом нынешней правительственной трехчленной коалиции; и парламентской «Коммунистической партией Чехии и Моравии» (КПЧМ – KSČM; в парламентских выборах 2013 г. заняла 3 место, набрав 14,91% голосов).

[22] В разных фазах конфликта речь шла о разнообразных элементах: отрицание присутствия российских солдат в Украине, обвинения в крушении нидерландского самолета и, пожалуй, наиболее массивно – внутриполитические комментарии идеологического спектра «постмайдановской» украинской политики. Общая картина «столкновения пропаганд», разворачивающегося в старых и новых СМИ, заслуживает самостоятельного анализа в области медиальных наук.

[23] Выбран путем прямого голосования в январе 2013.

[24] Кроме групп, относящих себя к разнообразным формам социализма, к нему относится также социально-либеральное течение, включающее в себя экологически, феминистически и т. д. ориентированных деятелей.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

игнорировать действительные интересы всех[25] жителей Украины, в этом плане консенсуальная аргументация не левая и своим геополитически черно-белым взглядом вредная, так как она делегитимирует в других случаях обоснованную критику отношения Запада к России и в общем к политическим процессам в Восточной Европе. Согласно этой аргументации, нынешние проблемы Украины просто не дают России право военного вмешательства, не говоря уже об аннексии какой-либо части ее территории (Крым).

С другой стороны, критика действий России на Востоке Украины в то же время не должна означать отказа от критики абсурдного изображения России как самой большой опасности в современном мире, не должна означать отказа от анализа осмысленности наложенных на Россию санкций, от раскрытия действительных (прежде всего, экономических) интересов Запада (в особенности, США), скрывающихся за искусственной доктриной поддержки демократии, или же от критики спорных действий «постмайдановской» украинской политики, в первую очередь, вовлечение правых радикалов в новую украинскую элиту[26].

Вместе с тем России от Запада якобы требуется уважение к собственной модели, отсутствие властного (военного, экономического, культурного и т. д.) давления и ведение диалога, принимающего во внимание российские интересы и ценности; в данной интерпретации, таким образом, отображается общая дистанция от негативных политико-экономических и социокультурных последствий глобализации. События на Востоке Украины представляют собой, прежде всего, конфликт гражданского характера, в котором этнические идентификации остаются, скорее, на втором плане. В том числе и поэтому российские шаги – явление, скорее, сопровождающее, нежели инициационное.

Позиция, описанная данным образом – назовем ее *леволиберальной* – считает себя устраненной из публичных дискуссий и решающих процессов, над которыми доминирует, согласно ей, т. н. неоконсервативный антирусский *stream*[27]. В действительности этот лагерь представлен достаточным образом: к нему относится, к примеру, нынешний министр иностранных дел Любомир Заоралек (ЧСДП). Тем не менее, его ослабляет то, что ему приходится вкладывать силы в отмежевание от президента Земана, вызвавшего своим президентским выбором принципиальное разделение в среде левых. Конфликт во внешнеполитических спорах левого крыла, таким образом, по происхождению – из уже ранее существовавшего напряжения внутриполитического характера, сбалансировать

[25] То есть отнюдь не только жителей восточной части Украины.

[26] Несмотря на неубедительные результаты т. н. радикальных правых партий в парламентских выборах в октябре 2014 г., в данной аргументации т. н. украинский фашизм воспринимается как феномен, важный на протяжении всего времени, при этом в своем милитаристском и олигархическом диапазоне. В данной части статьи отдано предпочтение превалирующей терминологии, несмотря на ее политологическую проблематичность.

[27] В соответствии с ним каждый критик Запада – или агент Путина, или как минимум русофил.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

которое пытается нынешний чешский премьер-министр и председатель ЧСДП Богуслав Соботка.

Чешское правое крыло

Для чешского правого крыла нынешний российско-украинский конфликт стал потребным мобилизационным импульсом. Серия неудач тех политических партий, которые относят себя к правому крылу (президентские выборы 2013, парламентские выборы 2013)[28], была большинством интерпретирована как комбинация сопротивления значительной части чешского общества политической и социоэкономической модели, установленной после 1989 г., и, с другой стороны – как опустошение потенциала антикоммунистической риторики, к которой чешские правые склонялись даже более двух десятилетий после падения коммунизма.

Именно в этом ключе некоторые деятели правой части чешского спектра восприняли более ассертивную линию внешней политики авторитарного режима В. Путина как желанное доказательство того, что опасность ухода от демократии не является для ЧР и в общем для Центральной Европы мертвым вопросом, а носителями его являются внутренние и внешние участники. Использование темы кризиса в Украине для самозащиты и обновления собственного потенциала, таким образом, представляет для чешских правых объединяющий сюжет. Модели интерпретации причин этого кризиса, мотивов интересующихся этим кризисом участников, а также, разумеется, приемлемого поведения чешских политических элит, которое бы могло вести к искомому выходу из этого кризиса, конечно, ряды чешских правых разделяют.

Выше в статье уже был упомянут т. н. неоконсервативный лагерь в чешской внешней политике. Если использовать именно это прилагательное, считающееся на языке левых, в принципе, оскорбительным, то речь должна идти о том течении, которое после 1989 года приняло ценностную, стратегически-практическую линию внешнеполитической доктрины США. Ее ключевой составляющей является с рубежа XX-XXI вв. готовность к т. н. экспорту демократии. Что это значит в контексте украинских реалий? Это значит поддержку т. н. Майдана, это предполагаемое проявление повторно появляющегося демократизационного потенциала внутри украинского общества[29] и его права выбирать, хочет ли оно двигаться в направлении Запада и получить членство в ЕС и НАТО, не обращая внимания на российскую точку зрения. В данной интерпретации Россия вос-

[28] Речь идет о «Гражданской демократической партии» (ГДП – ODS) и партии «ТОП 09» (TOP 09): ГДП набрала в парламентских выборах 7,72% голосов (спад по сравнению с парламентскими выборами 2010 г. с 20,22%), «ТОП 09» в свою очередь – 11,99%. Позже на президентских выборах кандидат «ТОП 09» К. Шварценберг проиграл во втором круге М. Земану; а кандидат ГДП П. Соботка набрал в первом круге 2,46%, заняв среди кандидатов предпоследнее место.

[29] См. как антисоветское движение в Украине во второй половине 80-х лет XX в., так и, прежде всего, конечно, Оранжевую революцию.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

принимается как агрессивное, антидемократическое действующее лицо, которое своей поддержкой сепарационных желаний части населения восточной части Украины препятствует общему демократизационному тренду. Приоритетом, таким образом, должно быть обновление целостности украинской территории или путем нахождения мирного решения, или путем мобилизации западного потенциала, в том числе и с использованием силы. В плане идей это течение поддерживает, прежде всего, позицию США, пытается соблюдать линию ЕС (однако оно пребывает в некотором недоумении в связи с противоречивым поведением его членов) и, наконец, пребывает в нервном состоянии из-за снижения дееспособности НАТО. С точки зрения развития Чехии после 1989 г., личность, ставшая символом этого течения – назовем его *либеральным атлантическим* (более точное название, чем «неоконсервативное»)[30] – первый посткоммунистический президент Вацлав Гавел[31]. В настоящее время течение в наибольшей степени связано с бывшим министром иностранных дел, проигравшим кандидатом в президенты и председателем «ТОП 09» Карлом Шварценбергом. По мнению его критиков, его поддерживает также преобладающая часть чешских СМИ.

У данного течения существуют противники не только среди левых, но также среди националистическо-консервативных правых. Дело в том, что они выступают против некритического приятия взглядов западных стран и организаций, воспринимаемое ими как доказательство углубления тренда ослабления автономии стран-наций в Европе, и даже как внешний диктат. Далее, принципиальной проблемой они называют этос вышеописанного либерального взгляда, символом и содержанием которого является делопроизводство по защите прав человека, а его инструментом – уже упомянутая парадигма *democracy promotion*. Это делопроизводство и его проведение воспринимаются консервативными критиками правых как триумф радикалистского неомарксистского *мейнстрима* современных западных культурно-политических элит и СМИ, занимающихся якобы (сознательно?, несознательно?) деструкцией Запада. В плане оценки меры вмешательства в украинские дела эта часть чешского правого крыла утверждает, что мера западного вмешательства по меньшей мере сравнима с мерой вмешательства со стороны России. Кроме того, все украинские правительства, как они считают, с 90-ых годов до современности были коррумпированными и олигархическими, и в этом плане восстание на Востоке Украины можно воспринимать как легитимную реакцию, мотивированную обоснованной надеждой на нахождение более стабильной (хоть и не демократической) политической атмосферы.

Именно такую атмосферу удалось создать в последние полтора десятилетия В. Путину в России. Предпочтительным так является не оный (современный ли-

[30] Прилагательное «неоконсервативный» понятно с точки зрения интеллектуальной основы, которая формулировалась в США. В чешской среде у него нет ничего общего с консерватизмом.

[31] Которого при этом, в действительности, неверно обозначать как правого политика.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

беральный, неомарксистский, правозащитный и т. д.) идеал, а традиционный, консервативно понятый авторитаризм. Этой частью чешских правых Россия просто воспринимается как действующее лицо, уравновешивающее в системе международных отношений влияние Запада, становящегося все более (само)деструктивным, как в отношении целей и ценностей, так и в отношении инструментов и методов. Личностью, олицетворяющей данное *консервативное антилиберальное* течение, часто называют бывшего президента ЧР Вацлава Клауса, а также круг его бывших советников (И. Вейгл, П. Гайек и др.)[32].

Чешские дискуссии о России и Украине в диахроническом сравнении

Как, однако, оценивать современные чешские дискуссии по теме украинского кризиса с точки зрения долговременных трендов чешской политики и их идеологическо-доктринального спектра? Прежде всего, очевидно, что эти споры привели к тому, что под сомнение был поставлен длящийся практически 25 лет консенсус о внешнеполитических приоритетах Чешской Республики. Посленоябрьский консенсус, символом которого была личность В. Гавела, не был объектом внутриполитических конфликтов, что, таким образом, несмотря на частую смену правительственных коалиций, не приводило к значительным отклонениям в области внешнеполитической линии чешского государства.

На данный момент этот консенсус – история. Развитие событий на чешской политической сцене с начала 2013 года ознаменовали принципиальную реконструкцию чешской политической карты, старт которой дал крах правой правительственной коалиции Петра Нечаса (июнь 2013)[33]. Для нее характерны, во-первых, кризис традиционных[34] политических партий и резкое появление субъектов без идеологической профилизации[35], что критики иногда называют признаком олигархизации чешской политики, а во-вторых, перераспределение

[32] Ср., напр., сайт *Противоход* (*Protiproud*, http://protiproud.parlamentnilisty.cz). С точки зрения идеологического спектра американской политики, это чешское течение имеет некоторые общие черты с либертарианством (напр., окружение Р. Пола).

[33] Точкой отсчета дальнейшей турбулентности, однако, часто считается весьма противоречиво воспринятая амнистия, объявленная В. Клаусом, у которого на тот момент уже заканчивался срок полномочий (01. 01. 2013).

[34] Традиционных в двух значениях: присутствующих в чешской политике с конца 90-ых гг. XX в. плюс идеологически профилирующихся.

[35] Речь идет в первую очередь о субъекте «ANO», который (лишь через несколько месяцев своего существования) оказался на 2 месте в парламентских выборах 2013 г., набрав 18,65%. Учитывая отсутствие разработанной программы, ранее в этой статье этот субъект не был упомянут. Лидер «ANO» Андрей Бабиш занимает в нынешнем правительстве Б. Соботки пост министра финансов и в то же время, будучи владельцем группы «Agrofert», является одним из крупнейших предпринимателей в ЧР; «Agrofert» при этом получает госзаказы. Группе «Agrofert» также принадлежат большие чешские СМИ, как например информационные ежедневные газеты «MF Dnes» («Сегодня») и «Lidové noviny» («Народная газета») или самая слушаемая радиостанция «Rádio Impuls» («Радио Импульс»).

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

властных потенциалов ключевых институций чешской конституционной системы: см. прежде всего усиление позиции президента, связанное с изменением выборной системы на прямое голосование, далее активизацию органов судебной власти, которая символизируется как активистскими высказываниями Конституционного суда, так и более ассертивными приемами прокуроров[36], и не в последнюю очередь – недоверие к парламенту как к первичной политической арене. В такой атмосфере уже можно говорить о кризисе системы, о недоверии к политике как инструменту поиска выхода из конфликтов на общественной площадке, касающихся интересов и ценностей, и даже о том, что под сомнение ставится демократия как предпочтительный тип политического режима.

Предложенное выше (тезисное) описание важно для понимания контекста, в котором произошло расхождение с консенсусом о профиле посткоммунистической чешской внешней политики. Основной тезис данной статьи при этом звучит следующим образом: чешские внешнеполитические дискуссии об украинском кризисе представляют собой, скорее, явление, сопровождающее драматические перемены во внутренней политике. Именно они вели к открытию тем, которые не воспринимались до этого времени как представляющие какой-то интерес, как предоставляющие какой-то мобилизационный потенциал. Реакции России и западных стран на падение режима Виктора Януковича в Украине, конечно, были быстро восприняты некоторыми чешскими политическими действующими лицами как возможность расширения идеологического профилирования. В этой среде напомнили о себе или были восстановлены некоторые классические чешские внешнеполитические конструкты.

Основной обновленной исторической позицией является (в соответствии с изначальной терминологией статьи) *консенсуальный* взгляд на Россию. Нынешняя оживленность этого лагеря разбила представление о том, что на чешской политической сцене отсутствуют такие ее демократические участники, которые бы по отношению к международной политике открыто подвергали сомнению линию, сформулированную западными надгосударственными структурами (ЕС и НАТО). Впрочем, по отношению к России это даже не было необходимо, учитывая оставление позиций на международной сцене, осуществленное режимом Ельцина в 90-ых гг. XX в. Ситуация изменилась с приходом В. Путина. Это можно интерпретировать и таким образом: нынешнее приятие российской интерпретации т. н. украинского вопроса, в принципе, означает приятие авторитарной модели правления; иначе говоря, культурно-историческая симпатия к России была дополнена симпатией политической/идеологической. Традицион-

[36] Собственно, они и привели к падению правительства Нечаса, также некоторые лица из числа окружения премьера были обвинены в коррупции. До сих пор (уже за приблизительно 18 месяцев), большинство тех обвинений не приобрели форму судебного акта. Данная ситуация даже вела к дискуссиям в чешском академическом сообществе о «юдициализации» чешской политики.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

ный *консенсуальный* взгляд на Россию в чешской политике следует, стало быть, как в контексте истории (существование большевистского режима в России и коммунистического режима в Чехии), так и современности, переименовать во взгляд традиционно *лево-проавторитарный*.

Резкость, с которой он потребовал слова, явно удивила чешскую политику. Логически он противопоставляет себя *либеральному атлантическому* течению, доминировавшему в чешской внешней политике с 1989 года. Примечательно, что у либерального течения при этом нет опоры в историческом чешском идеологическом спектре; речь идет о течении, зависящем от идеологического концепта, сформулированного и принятого Западом приблизительно в последние три десятилетия. Тема России для этого течения при этом, следует подчеркнуть, не является первичной, а тем более – конститутивной. Его главная идентификационная черта – взгляд на характер демократии.

Наряду с этим основным *cleavage* (конфликтной линией) сторон украинского вопроса существуют и другие конфликтные срезы, а именно – внутри левого и правого политического крыла. Среди левых консенсуальное лево-проавторитарное течение критикуется со стороны либерального левого течения. В этом конфликте важным идентификационным сюжетом также ни в коем случае не является отношение к России в культурном (цивилизационном) плане, а отношение к авторитарной концепции и реализации власти со стороны режима В. Путина. Неприемлема, таким образом, не Россия как культурный объект (наоборот, Россия, разумеется, в определенной демократической версии, была бы принята как партнер, уравновешивающий глобализационные «прихоти» Запада, в особенности, США), неприемлем российский авторитаризм, в лево-либеральной интерпретации всегда представленный как ретроградный и устаревший.

Среди правых либеральное атлантическое течение подвергается критике со стороны право-консервативного (антилиберального) течения; при этом с исторической точки зрения более традиционным действующим лицом на чешской доктринальной карте является последний; тем не менее, в настоящее время это, скорее, более слабое течение в плане потенциала. И в данном случае основная дистинктивная тема – понимание демократии. Консервативная правая критика сосредоточена на (с ее точки зрения) недейственном давлении Запада, направленном на принятие западных ценностей и институций в других областях (в данном случае – славянской постсоветской), создаваемое либеральным течением путем предпочтения *democracy promotion*. С этой точки зрения Россия представляет (прежде всего, политическую и экономическую, лишь частично культурную) альтернативу; разумеется, ни в коем случае не всему Западу, а только той части Запада, которая в консервативной интерпретации своим радикализмом, расширением каталога прав человека, мультикультурализмом и другими социальными экспериментами близится к тоталитарному пониманию политики. Да, парадоксальным образом близится больше, нежели якобы традиционно понятая, хоть и популистская, но тем не менее не экспериментирующая диктатура В. Путина.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

Заключение

В данный момент в чешской политике происходит борьба между ключевыми действующими лицами (президент М. Земан, премьер Б. Соботка, министр иностранных дел Л. Заоралек, его заместитель П. Друлак, или представители оппозиции К. Шварценберг и П. Фиала) за приоритеты чешской внешней политики. Тем не менее, в комментариях и данных, приведенных выше, первично не идет речь о *споре за международную политику*, а о *споре за внутреннюю политику*; при этом и в ней вернувшийся объект спора – это характер демократии, отчетливо коннотированной сюжетом прав человека. Идейную перемену в самой внешней политике ЧР символизирует, например, вышеупомянутый заместитель министра иностранных дел: П. Друлак критиковал (с согласием министра иностранных дел и с симпатией, к примеру, президента) понимание внешней политике в виде «фальшиво-универсалистского» распространения демократии с помощью силы, которое В. Гавел, видимо, разделял с американскими неоконсерваторами[37]. И порекомендовал переориентировать чешскую внешнюю политику с поддержки гражданских и политических прав на права социальные. Благодаря этому должна возникнуть новая ориентация ЧР в международной системе, в большей мере отвечающая (напр. торговым) интересам ЧР; на этой основе появилась, к примеру, осторожная дистанция по отношению к санкциям против России.

В дискуссиях, вызванных таким образом, принимали участие как чешские, так и иностранные персонажи[38]. В них столкнулись, к примеру, такие понятийные словосочетания как «посткоммунистический правдолюбный атлантизм» (Вацлав Белоградский) с «мифологией антиамериканизма» (Йиржи Пеге)[39]. Осмысленная или продуманная аргументация в вопросе политики по отношению к Украине и России (в польском языке бы был использован термин «восточная политика», который в чешской среде обычно не употребляется) в них, скорее, отсутствовала. Так же, как и комментарии по ряду релевантных тем украинского кризиса (факт присоединения/аннексии Крыма к России, вопросы, возникшие

[37] «…фальшивое представление о том, что то, какой мы для себя создали образ идеального общества, мы должны навязывать другим. Это была попытка вписать сложный мир в простую пост-«холодновоенную» схему. Я вижу тут и связь между…эпигонами Вацлава Гавела и американскими неоконсерваторами и я думаю, что эта политика была действительно ошибочной и вредной…» (перевод автор; Drulák 2014).

[38] Друлака за претензии к внешней политике В. Гавела критиковали бывший посол США в ЧР Норман Эйсен или Карл Гершман, директор института «Национальный фонд демократии» (National Endowment for Democracy). Институт Рона Пола (некогда либерталианский кандидат в президенты США) наоборот критиковал НФД и другие организации, финансируемые американским правительством (напр., «Международный республиканский институт» – International Republican Institute) за *democracy promotion*.

[39] V. Bělohradský, *Jsou to paradoxy, co?*, Právo, 6.12.2014; J. Pehe, *O falešných sebeobrazech*, Právo, 9.12.2014.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

в связи с нарушением международных договоров[40], новое разделение Украины, статус его восточной части после референдума 16.03.2014 или необходимые системные реформы, которые следует провести Украине).

Подводя итоги: чешские дискуссии являются резко идеологическими, в них больше используются понятия демократии и не-демократии (авторитаризм, тоталитаризм), нежели геополитическая терминология. Были идентифицированы четыре основных позиции: традиционная лево-проавторитарная, современная лево-либеральная, либеральная атлантическая и традиционная право-консервативная; при этом конфликтные линии между ними перекрываются, поэтому остается действительным утверждение, что ориентация на Россию не является *априори* левым, а симпатия к Западу – *априори* правым явлением. Бóльшая часть дискуссий, тем не менее, не сосредоточена на собственно украинских (русских и т. д.) реалиях; дебаты ведутся, скорее, о мере (а в некоторых случаях об уместности) чешской лояльности или причастности к Западу. Для большинства чешских политиков Восток в данный момент представляет собой реальную альтернативу только в плане зависимости от «состояния» Запада в различных сферах: чаще в политической, реже в экономической и культурной.

P. S. Удивительно, но в чешской политике отсутствует (или, возможно, является наиболее тихим в плане освещения в СМИ) течение *реализм*. Недостаток потенциала этого течения, которое бы подошло к теме идеологически непредвзято и сосредоточилось бы на сталкивающихся аспектах, касающихся интересов, вероятно, связано с многолетней неспособностью чешских политических элит создать принимаемую в общем концепцию чешской внешней политики, концепцию, которая бы не поддавалась идеологическим реинтерпретациям и реконфигурациям. В контексте тезиса, защищаемого в данной статье (чешские внешнеполитические дискуссии об украинском кризисе как рефлексия параллельных дискуссий об идентификации чешской внутренней политики), это, в принципе, значит, что чешская политика не смогла создать даже консенсус о демократии как политическом режиме.

Аннотация. Основной целью данной статьи является комментарий к дискуссиям на чешской внутриполитической сцене, которые возникли как реакция на нынешнее поведение авторитарного режима Владимира Путина в т. н. «украинском вопросе», хронологически ограниченном с начала решения т. н. «крымского вопроса» весной 2014-го. Эти дискуссии являются резко

[40] Напр., европейской *Конвенции о защите прав человека и основных свобод* (1950) или заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975).

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

идеологическими, в них больше используются понятия демократии и не-демократии (авторитаризм), нежели геополитическая терминология.

Ключевые слова: чешская внутренная политика, украинский кризис, авторитарный режим Владимира Путина, традиционная лево-проавторитарная, современная лево-либеральная, либеральная атлантическая и традиционная право-консервативная идеологические позиции.

Russia in the categories of „friend – enemy". Czech ideological debate about the „Ukrainian crisis"

Abstract. The main purpose of this article is to comment on the discussions on the Czech political scene which emerged as a reaction to the current behavior of the authoritarian regime of Vladimir Putin in the „Ukrainian question", chronologically limited solutions „Crimean issue" in the spring of 2014. These discussions are strongly ideological, they increasingly used the concept of democracy and non-democracy (authoritarianism) than geopolitical terminology.

Key words: czech politics, Ukrainian crisis, authoritarian regime of V. V. Putin, traditional left-authoritarian, social left-liberal, liberal atlantic, traditional right-authoritarian ideological positions.

Источники и литература

Монографии:

Beneš E., *Demokracie dnes a zítra*, Praha: ČIN 1946.

Černý V., *Vývoj a zločiny panslavismu*, Praha: Knihovna Václava Havla 2011.

Dannreuther R., March L., *Russia and Islam*, London: Routledge 2010.

Doubek V., *Česká politika a Rusko (1848–1914)*, Praha: Academia 2004.

Fiala P., Holzer J., Mareš M., Pšeja P., *Komunismus v České republice*, Brno: MPÚ MU 1999.

Havelka M., *Spor o smysl českých dějin 1., 1895–1938*, Praha: Torst 1995.

Havelka M., *Spor o smysl českých dějin 2., 1938–1989*, Praha: Torst 2006.

Havlíček Borovský K., *Slovan a Čech*, In: *Karla Havlíčka Borovského Politické spisy. Díl 1. Pražské noviny*, Praha: J. Laichter 1900, s. 28–87.

Heinrich H.G., *Post-Soviet Conflicts Revisited*, Peter Lang 2013.

Högselius P., *Red Gas. Russia and the Origins of European Energy Dependence*, Palgrave: Macmillan 2013.

Kořalka J., *Češi v habsburské říši a v Evropě 1815–1914*, Praha: Argo 1996.

Mankoff J., *Russian Foreign Policy. The Return of Great Power Politics*, Lanham–Boulder–New York–Toronto–Plymouth: Rowman & Littlefield Publ 2011.

Masaryk T. G., *Rusko a Evropa, I.–III.*, Praha: ÚTGM 1995–1996.

Nadskakula O., *Kategorie „swój" i „obcy" w rosyjskim myśleniu politycznym*, Kraków: Księgarnia akademicka 2013.

Ó Beacháin D., Polese A., *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics. Successes and Failures*, London: Routledge 2010.

Pfaff I., *Česká přináležitost k Západu v letech 1815–1878*, Brno: Doplněk 1996.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 11/11/2026 12:36:39

Schmitt C., *Pojem politična*, Brno – Praha: CDK – Oikoymenh 2007.
Shiraev E., *Russian Government and Politics*, Palgrave: Macmillan 2010.
Slavík J., *Co třeba vědět o SSSR: stručný nástin bolševického zřízení a jeho vývoje*, Praha 1939.
Vlček R., *Ruský panslavismus – realita a fikce*, Praha: HÚ AV ČR 2002.
Winklerová M., *Karel Kramář (1860–1937), Praha: Argo 2011.*
Гудков Л., *Образ врага*, Москва 2005.
Гудков Л., *Негативная идентичность: статьи 1997–2002 годов*, Москва 2004.

Научные статьи:
Bělohradský V., *Jsou to paradoxy, co?*, Právo, 6.12.2014.
Drulák P., *Havlovská politika byla chybná a škodlivá, tvrdí český diplomat*, Lidové noviny, 30.5.2014.
Pehe J., *O falešných sebeobrazech*, Právo, 9.12.2014.

Интернет источники:
Protiproud (http://protiproud.parlamentnilisty.cz).